

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

От культурной революции 1960-х к постмодернизму: Фредрик Джеймисон как теоретик периодизации¹

*Константин
Александрович
Митрошенков (р. 1997) –
аспирант Колумбийского
университета.*

И в англоязычном мире, и в России Фредрик Джеймисон известен главным образом как исследователь постмодернизма и реформатор марксистского литературоведения. Гораздо реже о Джеймисоне говорят как о теоретике истории и периодизации, хотя эта проблематика проходит через все основные его работы, начиная с книги «Марксизм и форма» (1971) и заканчивая сборником лекций «Годы теории» (2024)². В наиболее концентрированном виде взгляды Джеймисона на теорию истории представлены в эссе «Periodizing the 60s» (1984), русский перевод которого скоро будет опубликован в журнале «Новое литературное обозрение». В этой статье, которую можно считать расширенным предисловием к готовящейся публикации, я разберу предложенную Джеймисоном модель периодизации и покажу, что и

- 1** Я хотел бы поблагодарить Адама Лидса, чей семинар «The Poetics of Social Forms» в Колумбийском университете помог мне лучше понять идеи Фредрика Джеймисона. Следующие ниже размышления – прямое продолжение разговоров, начатых на этом семинаре.
- 2** Этой книге посвящен отдельный блок «Годы теории Фредрика Джеймисона (1934–2024)» в одном из недавних выпусков «НЗ» (2024. № 6(158). С. 3–58).

**ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ**

сорок лет спустя она может служить источником теоретических находок.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

1

«Всегда историзировать!» – таким призывом открывается книга «Политическое бессознательное» (1981), вероятно, самая известная работа Джеймисона³. Может показаться, что нет ничего более «естественного» для критика-марксиста, чем указывать на важность историзирующего подхода. Но если мы, следуя призыву Джеймисона, историзируем его собственную интеллектуальную позицию, то обнаружим, что на рубеже 1970–1980-х лозунг историзации вовсе не был для марксиста само собой разумеющимся. В те годы марксизм все еще находился под сильным воздействием альтюссерянской критики историзма, изложенной в ряде работ 1960-х и прежде всего – в сборнике «Читать “Капитал”» (1965). Поэтому прежде, чем говорить о модели, предложенной самим Джеймисоном, необходимо сначала разобрать аргументы Луи Альтюссера, в заочном диалоге с которым Джеймисон формулировал свои позиции.

Альтюссер полемизирует с теми последователями и интерпретаторами Маркса, кто видит его *основное* достижение в отказе от этерналистского (то есть неисторичного) взгляда на экономические категории. Если бы достижение Маркса заключалось только в этом, пишет Альтюссер, то он ничем не отличался бы от Гегеля, который аналогичным образом историзировал категории классической философии. Но Гегель и Маркс оперируют совершенно разными *концепциями истории*.

Гегель мыслит историю как гомогенный континуум, «в котором проявляется диалектическая непрерывность процесса развития Идеи; [...] моменты Идеи существуют в ряде исторических *периодов*, на которые необходимо четко разделить временной континуум»⁴. Условием возможности такой концепции истории является категория «исторического *настоящего*»: представление о социальной тотальности, все элементы которой «всегда сосуществуют в одном и том же времени, в одном и том же настоящем, а значит, современны друг другу в этом настоящем»⁵, – то есть непосредственно связаны между собой и *выражают* некую общую для них сущность, или, говоря на языке вульгарного идеализма, некий общий «дух времени». Та-

3 JAMESON F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca: Cornell University Press, 1981. P. 9.

4 Альтюссер Л. *Ошибки классической экономики: наброски понятия исторического времени* // Неприкосновенный запас. 2022. № 2(142). С. 17.

5 Там же.

кого рода отношения между частями Альтюссер называет «экспрессивной каузальностью», а образуемое ими целое – «экспрессивной тотальностью».

В отличие от Гегеля, Маркс не мыслит историческое время как «непрерывное, гомогенное и современное самому себе»⁶. Согласно Марксу, элементы социальной тотальности – то, что Альтюссер дальше будет называть уровнями или инстанциями, – не связаны между собой непосредственно и не являются выражением некоей общей сущности. Они «относительно автономны» и сосуществуют в «сложном структурном единстве, сочленяемые друг с другом согласно конкретным детерминациям, зафиксированным, в конечном счете, экономическими уровнем или инстанцией»⁷. В темпоральном отношении это означает, что уровни марксистской тотальности существуют не в одном гомогенном времени; каждому из них присуще особое время и особая динамика развития. Это касается в том числе и уровней надстройки, которые хоть и детерминируются «в последней инстанции» экономикой, но не выводятся из нее непосредственно⁸.

Критика Альтюссера направлена в первую очередь против догматического марксизма, исходящего из того, что способ производства непосредственно определяет даже такие далекие от экономики сферы, как культура и наука, и оперирующего понятиями вроде «феодалного искусства» или «буржуазной философии». Однако тенденцию к механистическому сведению надстроечных явлений к базису можно обнаружить и в, казалось бы, более утонченных образцах марксистского анализа – например, в работах Вальтера Бенямина о Бодлере, в чьей поэзии, по мнению критика, нашла выражение «эпоха зрелого капитализма»⁹. Столь же проблемным с альтюссерсианской точки зрения представляется и попытка Георга Лукача, на тот момент (1960-е) наиболее влиятельного литературоведа-марксиста, связать по принципу аналогии эволюцию художественных форм с социально-экономическими изменениями¹⁰.

Альтюссерсианская критика гегельянского историзма представляет особую проблему именно для марксистских исследований литературы и культуры – то есть тех уровней, что находятся в наибольшем отдалении от экономики и, следовательно, требующих наиболее тонкого подхода. Джеймисон, чье становление как теоретика пришлось на пик популярности альтюссерсианства, воспринял эту критику крайне серьезно. Во

6 Там же. С. 19.

7 Там же. С. 21.

8 Подробнее об альтюссерсианской критике линейной концепции истории см.: Егорова А. *К переосмыслению категории класса: *tempora multa* множественного субъекта* // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 171–192.

9 Бенямин В. *Бодлер*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

10 Лукач Г. *О реализме*. М.: Common Place, 2025.

введении к «Политическому бессознательному» Джеймисон посвящает отдельный раздел разбору доводов Альтюссера. Он признает обоснованность многих из них, но утверждает, что из тупика можно выйти, обратившись к процедуре *медиации*, или опосредования.

Сам Альтюссер относился к этой основополагающей для диалектической традиции процедуре с подозрением, полагая, что она как раз и приводит к механистическому смешению уровней, «обеспечивая единство путем отрицания различий»¹¹. Однако Джеймисон считает, что Альтюссер путает медиацию с *гомологией* – проведением прямых параллелей между различными явлениями: например, между мировоззрением автора и избранной им художественной формой, как это делает марксистский философ и литературовед Люсьен Гольдман в книге «Сокровенный бог» (1964). Медиация же не приравнивает разнородные явления, но стремится *установить отношения между ними*. Джеймисон понимает медиацию так:

«[Это] процесс *перекодировки*: изобретение набора терминов, стратегический выбор конкретного кода или языка, благодаря чему одна и та же терминология может использоваться для анализа и артикуляции двух совершенно разных типов объектов, или “текстов”, или же двух совершенно разных структурных уровней реальности»¹².

Стоит обратить внимание на язык Джеймисона. Он неслучайно говорит об «изобретении» (*invention*) терминов: подобно бриколеру, критик-марксист для каждой конкретной процедуры медиации конструирует особый концептуальный аппарат, не претендующий на универсальность. Процедуру медиации, пишет Джеймисон, можно было бы считать всего лишь «методологической фикцией», если бы не тот факт, что «общественная жизнь в своей основополагающей реальности является единой и неделимой», а ее фрагментация – лишь видимостью, порожденной логикой и законами «повседневной жизни и экзистенциального опыта при позднем капитализме»¹³. Таким образом, процедура медиации оказывается необходимым условием артикуляции того, что Альтюссер назвал «сложным структурным единством» полуавтономных уровней, зафиксированным «в конечном счете, экономическими уровнем или инстанцией».

В том же введении к «Политическому бессознательному» Джеймисон отмечает, что альтюссерская критика подрывает саму возможность исторической и культурной периодиза-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

11 ALTHUSSER L. *Marxist is not Historicism // Reading Capital: The Complete Edition*. London; New York: Verso, 2015. P. 287; см. также: ИДЕМ. *From Capital to Marx's Philosophy // Ibid*. P. 63–66.

12 JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 40.

13 Ibid.

ции. «Классическое» понятие периода предполагает, что все относящиеся к нему явления существуют в одном времени и отмечены неким общим родовым свойством – иными словами, оно воспроизводит все ту же логику «экспрессивной каузальности»¹⁴. Но полностью отказаться от периодизации Джеймисон не считает возможным, ведь в таком случае под вопросом окажется сама «репрезентация Истории», без которой невозможно никакое осмысленное политическое действие. Три года спустя в статье «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» (1984) он пишет:

«Если мы не достигнем некоего общего смысла культурной доминанты, мы скатимся ко взгляду на современную историю как простую разнородность, случайное различие, сосуществование кучи разных сил, чья эффективность неопределима»¹⁵.

Следовательно, процедура периодизации должна быть не отброшена, но переосмыслена с учетом альтюссеррианской критики. Именно это Джеймисон и пытается сделать в «Periodizing the 60s».

2

Тот факт, что в 1984 году Джеймисон мог рассуждать о периодизации 1960-х, свидетельствует: к тому моменту представление, что 1960-е как исторический период подошли к концу, стало общепринятым. Собственно, весь выпуск журнала «Social Text», в котором появилось эссе Джеймисона, был посвящен переосмыслению 1960-х с левых позиций¹⁶. Необходимость *переосмысления* недавно закончившегося периода указывает на еще одну важную особенность интеллектуальной и политической ситуации начала 1980-х: стоило только студенческим протестам затихнуть, а революционному движению в странах «третьего мира» забуксовать, как из разных политических лагерей стали раздаваться критические замечания в адрес наследия 1960-х. Если правые и центристы обвиняли активистов-шестидесятников в дестабилизации общества и посягательстве на фундаментальные культурные ценности, то критики из левого лагеря указывали на многочисленные просчеты политических движений 1960-х и слабые стороны разработанных в этот период концептуальных схем¹⁷.

14 Ibid. P. 27–28.

15 Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 92.

16 *Introduction* // *Social Text*. 1984. № 9-10. P. 1–9.

17 Обзор разнообразных критических реакций на 1960-е см. в: ВАЙНЕН Р. *Долгий 68. Радикальный протест и его враги*. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 445–472.

Если говорить о левых, то столь противоречивая реакция на 1960-е была вызвана, как представляется, ощущением радикального разрыва между закончившимся десятилетием и последовавшим за ним периодом неолиберальных реформ и укрепления правящих классов по всему «первому миру». Те, кто пытался осмыслить 1960-е в свете этих событий, оказывались перед двумя альтернативами: либо утверждать, что победа консервативных сил стала результатом поражения разнообразных революционных движений (и в таком случае пытаться выяснить, в какой момент «что-то пошло не так»), либо предположить, что именно половинчатые успехи шестидесятников подготовили почву для невиданного прежде наступления капитализма, научившегося кооптировать даже откровенно враждебные ему силы (именно по второму пути пошли впоследствии Люк Болтански и Эв Кьяпелло в книге «Новый дух капитализма» (1999)). Как мы увидим далее, Джеймисон отчасти склоняется ко второму варианту, но предлагает более сложный взгляд на взаимосвязь между освободительными движениями 1960-х и консервативным поворотом последующих десятилетий.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ
ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

Противоречивая реакция на 1960-е была вызвана ощущением радикального разрыва между закончившимся десятилетием и последовавшим за ним периодом неолиберальных реформ и укрепления правящих классов по всему «первому миру».

Джеймисон начинает эссе с небольшого теоретического размышления о периодизации. Основанием для выделения 1960-х в качестве отдельного исторического периода он считает следующее:

«Наличие не некоего вездесущего и единообразного стиля или образа мышления и действия, а общей объективной ситуации, на которую современники [могли] по-разному реагировать, в том числе творческими инновациями, оставаясь при этом в рамках наложенных ситуацией структурных ограничений»¹⁸.

Таким образом, Джеймисон сразу подчеркивает, что, во-первых, в своем анализе он исходит из представления об относительной автономии исторических акторов и уровней, и, во-вторых, что влияние исторической ситуации (общей исторической конъюнктуры периода) на акторов и уровни будет рассматриваться в категориях условий (не)возможности, а не

18 JAMESON F. *Periodizing the 60s* // *Social Text*. 1984. № 9-10. P. 178. Далее ссылки на конкретные страницы эссе даются в скобках в тексте статьи.

прямой детерминации. Рассмотрение различных феноменов 1960-х в едином контексте возможно не потому, что они обладают неким общим набором родовых черт, а потому, что все они в том или ином виде являются реакцией на общую историческую ситуацию и, собранные вместе, образуют то, что Георг Лукач в другом контексте назвал «тотальностью реакций»¹⁹. Примечательно, что Джеймисон не дает никакой предварительной характеристики этой ситуации. Можно было бы предположить, что он исходит из ее самоочевидности для любого читателя, более или менее знакомого с политической и культурной историей 1960-х. Но гораздо более вероятным представляется, что Джеймисон прямо следует за Альтюссером, который называл историю «отсутствующей причиной», доступной для познания только в своих эффектах²⁰. Таким образом, не имея доступа к исторической ситуации 1960-х во всей ее тотальности, мы тем не менее можем опосредованно изучать ее, обращаясь к тем трансформациям, которые она вызвала в различных сферах общественной жизни.

Джеймисон указывает на еще одну особенность, отличающую его подход к периодизации от моделей «старой органической истории». Его эссе посвящено не поиску «аналогий и гомологий между сильно различающимися уровнями общественной жизни», а установлению гомологий «*между разрывами* в развитии форм, относящихся к различным уровням» (р. 179). Различение, которое проводит Джеймисон, на первый взгляд кажется не столь существенным, но именно поэтому важно обратить на него внимание. Указание на то, что примерно в одно время такие напрямую не связанные между собой уровни, как политика, массовая культура и литература, претерпели существенные структурные изменения, вовсе не означает, что эти изменения аналогичны друг другу или происходили аналогичным образом. Но сам факт совпадения этих изменений во времени позволяет предположить наличие более широкой конъюнктуры – той самой общей исторической ситуации, которую Джеймисон предлагает изучать по ее эффектам.

Джеймисон связывает начало 1960-х как исторического периода с движением деколонизации в британских и французских владениях, одним из основных событий которого стала война за независимость Алжира (1954–1962). Это движение имело как минимум три важных следствия. Во-первых, на арене истории появился новый коллективный субъект – колонизированный народ, ведущий успешную борьбу против угнетателей и в процессе этой борьбы обретающий самосознание. Во-вторых, связанные странами «первого мира» колониальные войны (не

19 LUKACS G. *Solzhenitsyn*. Cambridge: MIT Press, 1971. P. 46.

20 JAMESON F. *The Political Unconscious*... P. 23–25, 34–35.

только в Алжире, но и американское вторжение во Вьетнам) привели к всплеску антивоенного и антиимпериалистического движения в них самих и к общей радикализации западного общества. Наконец, страны «третьего мира» стали поставщиками новых политических моделей для стран «первого мира». Речь идет о партизанской стратегии фокизма, выработанной кубинскими революционерами, и китайском маоизме, бросившем вызов хрущевскому «ревизионизму». Впрочем, Джеймисон предупреждает от излишне упрощенного взгляда на 1960-е:

«[Деколонизация] шла рука об руку с неокOLONIALИЗМОМ, и конец старой империалистической системы... также означал создание новой системы угнетения – например, на символическом уровне это выразилось в том, что на смену Британской империи пришел Международный валютный фонд» (р. 184).

Именно в 1960-е, доказывает Джеймисон, капитализм уничтожает последние анклавы некапиталистических способов производства и становится по-настоящему глобальным.

Рассмотрение различных феноменов 1960-х в едином контексте возможно не потому, что они обладают неким общим набором родовых черт, а потому, что все они в том или ином виде являются реакцией на общую историческую ситуацию.

От деколонизации Джеймисон переходит к трансформациям философии в 1960-е. Такой переход может показаться не вполне логичным, но автор обосновывает его указанием на то, что история философии представляет собой «историю попыток осмыслить историческую и общественную субстанцию, находящуюся в процессе постоянной диалектической трансформации, субстанции, апории и противоречия которой определяют неудачи всех сменяющих друг друга философских систем» (р. 186). В своей излюбленной манере Джеймисон рассматривает явления, которые традиционный марксизм относит к категории надстройки, не как отражения исторической ситуации, но как реакции на нее, рассчитывая таким образом сохранить верность альтюссеровской концепции полуавтономии уровней. По Джеймисону, в 1960-е философия реагировала на два основных вызова: появление новых коллективных субъектов (колонизированных народов, женского движения, движения за права чернокожих, «сексуальных меньшинств» и так далее) и осознание непрозрачности самой сферы политического, доступ к которой всегда опосредован надличностными структурами.

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

Отсюда основные направления философских поисков 1960-х: попытки описать процесс формирования идентичности (Жан-Поль Сартр, Франц Фанон) и концептуализировать роль структур в повседневной жизни (структурализм и альтгюссерянский марксизм, испытавший большое влияние маоизма).

Еще один вызовом для философии – как, впрочем, и для остальных сфер интеллектуального и культурного производства – стал постмодернизм. Джеймисон отмечает, что переход к нему представляет собой слишком сложное явление, чтобы рассмотреть его в рамках эссе, и поэтому останавливается только на одной его составляющей – трансформации понятия знака. Если де Соссюр говорил о двуединстве означающего и означаемого (и даже сравнивал их с двумя сторонами одного листа бумаги) при произвольном характере их связи с референтом (объектом в реальном мире), то последующие теоретики сначала освободили знак от связи с референтом, а затем – означающее от означаемого. В понимании Джеймисона, первая стадия трансформации знака примерно соответствует периоду модернизма с его идеологией автономии искусства, а вторая – периоду постмодернизма:

«Речь идет уже не об игре знаков, а об игре чистых или буквальных означающих, освобожденных от балласта в виде означаемых, то есть от значений. Эта игра порождает новый вид текстуальности во всех видах искусства... и проецирует мираж некоего конечного языка чистых означающих, часто ассоциирующегося с шизофреническим дискурсом» (р. 200).

Для описания этого процесса Джеймисон привлекает сразу несколько теоретических языков, в том числе понятия овеществления и фрагментации, обычно использующиеся в социально-экономическом контексте. По всей видимости, именно такую операцию Джеймисон и имел в виду, когда в «Политическом бессознательном» писал о медиации как об описании разноразмерных явлений в одних и тех же категориях. Таким образом, Джеймисон прослеживает проникновение капиталистической логики внутрь самого знака, относящегося к уровню интеллектуального и культурного производства.

В политическом отношении аналогом фрагментации знака оказывается постепенный распад новых коллективных идентичностей. Как отмечает Джеймисон, после избавления от колониальной зависимости национально-освободительные движения стран «третьего мира» оказываются перед вопросом: как поддерживать с трудом обретенное чувство национального самосознания в отсутствие питающего его манихейского конфликта между «своими» и «чужими»? В результате коллективные субъекты начинают дробиться на многочисленные микрогруп-

пы, идентичности которых подчинены той же диалектике самоопределения через противопоставление себя Другому. Аналогичные процессы Джеймисон прослеживает и в странах «первого мира», где на смену претендующей на универсальность марксистской категории класса приходят категории гендерной, этнической и культурной политики. Если прежде существовала хотя бы иллюзия общей борьбы угнетенных за свое освобождение, то теперь представители различных угнетенных групп всячески подчеркивают уникальность своей идентичности и во многих случаях отвергают само представление о том, что экономическая эксплуатация является первопричиной всех прочих ее форм.

Разговор об экономике Джеймисон откладывает до заключительной части эссе. В этом можно усмотреть намеренный концептуальный ход. Вместо того, чтобы в духе догматического марксизма начинать с общей социально-экономической характеристики периода и уже из нее выводить анализ политических, культурных и интеллектуальных явлений, Джеймисон сначала фиксирует трансформации, произошедшие в этих сферах, и только потом переходит к экономике, чтобы найти для них общее объяснение. Обращаясь к книге Эрнеста Мандела «Поздний капитализм» (1975), Джеймисон пишет, что экономический кризис 1974 года ознаменовал собой окончание экономического цикла, начавшегося в 1940-е и отмеченного «изобретением компьютерных технологий, появлением ядерной энергетики и механизацией сельского хозяйства» (р. 206), а также характеризовавшегося постепенным распространением этих изобретений за пределы, говоря языком Иммануила Валлерстайна, капиталистического ядра. Мандель утверждает, что по окончании этого цикла произошел переход от классического капитализма, не имевшего еще всемирного охвата, к капитализму позднему, установившему полное господство над миром. По мысли Джеймисона, 1960-е стали переходным периодом между двумя фазами развития капитализма и именно этим был обусловлен противоречивый, или диалектический, характер десятилетия: освобождение от прежних систем господства, появление новых идентичностей и форм политического участия и одновременно невиданная прежде экспансия капитализма и кризис универсалистской левой политики.

3

Специалисты по политической, социальной или экономической истории могут обнаружить отдельные неточности и натяжки в предложенном Джеймисоном анализе. Представляется, одна-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

ко, что оценивать его нужно в первую очередь с точки зрения продуктивности самой теоретической модели, а не фактической точности. Именно этим я и займусь в оставшейся части статьи, вынеся за скобки соображения о том, насколько соответствует действительности нарисованная Джеймисоном картина 1960-х.

Как я уже отмечал, Джеймисон прямо следует за альтюссеррианской концепцией полуавтономных уровней, скрепленных экономической инстанцией. У этого концептуального решения есть несколько важных нарративных следствий. Вместо одного линейно выстроенного повествования, отдельные части которого посвящены последовательно сменяющим друг друга этапам, мы получаем несколько микроповествований, события которых разворачиваются примерно в одно время. Вместе с тем в эссе Джеймисона можно обнаружить некоторую хронологическую последовательность. Первый его раздел посвящен «третьему миру», в котором характерные явления 1960-х вроде изобретения новых политических моделей заявили о себе раньше, чем в странах «первого мира». В последнем же разделе анализируются экономические трансформации, что служит мостиком между «прошлым» повествования и «настоящим» его читателей, «ведь в 1973–1974 годах начался мировой экономический кризис, последствия которого дают о себе знать по сей день» (р. 205). Кроме того, подобно тому, как в литературном произведении развязка сюжетной интриги позволяет по-новому взглянуть на все предшествующие события и осознать их подлинное значение, так и в эссе Джеймисона завершающий экономический анализ позволяет увидеть рассматриваемые события в новой перспективе.

Стоит обратить внимание и на пространственную организацию эссе. Основное внимание в нем уделяется странам «первого» и «третьего мира». Джеймисон начинает с описания процесса деколонизации, переходит к философии, культурной теории и поэзии «первого мира», а затем вновь возвращается в мир «третий», обращаясь к партизанским движениям Южной Америки и их теоретизации французским философом Режи Дебре. Перед нами не претендующее на энциклопедическую полноту изложение всех наиболее важных событий 1960-х, но пунктирная карта пространственной динамики периода, характеризующегося, как следует из эссе, диалектическим взаимодействием между «первым» и «третьим миром» при относительной инертности мира «второго». Пользуясь джейминовской терминологией более позднего периода, можно сказать, что эссе о 1960-х представляет собой опыт *глобального когнитивного картографирования*.

Как отмечает Джеймисон в книге о постмодернизме, период позднего капитализма характеризуется таким усложнением

мультинационального пространства, при котором отдельному человеку все сложнее связать свой повседневный опыт с глобальными процессами, не говоря уже о том, чтобы осмыслить текущий исторический момент во всей его тотальности. Именно поэтому особое значение приобретает работа по картографированию этого нового пространства, позволяющая артикулировать связи между, казалось бы, несвязанными явлениями и процессами, а также выявить их фундаментальные условия возможности. Когнитивное картографирование в каком-то смысле оказывается постмодернистским двойником современной процедуры периодизации, призванной упорядочить хаос явлений. Джеймисон проводит аналогию между операцией картографирования и предложенным Альтюссером пониманием идеологии как «воображаемого представления отношения субъекта к его реальным условиям существования»:

«Какковы бы ни были ее недостатки и проблемы, эта позитивная концепция идеологии как функции, необходимой для любой формы социальной жизни, хороша уже тем, что подчеркивает наличие разрыва между локальным позиционированием отдельного субъекта и тотальностью классовых структур, в которых он размещен, разрыва между феноменологическим восприятием и реальностью, которая превосходит любое индивидуальное мышление или опыт, то есть разрыва, который идеология, собственно, и пытается сократить или скоординировать, нанести на карту посредством сознательных или бессознательных репрезентаций»²¹.

Таким образом, операция картографирования оказывается, по сути, еще одной формой медиации, призванной устранить разрыв между «локальным позиционированием отдельного субъекта и тотальностью классовых структур». Речь идет о кажущемся разрыве: с точки зрения марксизма, индивидуальный опыт и глобальная динамика всегда объективно связаны. Другой вопрос, что в предельно овеществленном и медиатизированном мире позднего капитализма эта связь не дана нам в чувственном восприятии. Поэтому мы и нуждаемся в когнитивном картографировании – своего рода концептуальной заплатке, позволяющей хотя бы приблизительно помыслить тотальность мир-системы в ситуации, когда тотализирующее мышление кажется все менее возможным.

Установка на тотализацию возвращает нас к проблеме связи между уровнями. Джеймисон решает ее двумя основными способами. Это обращение к упомянутому выше понятию реакции на общую историческую ситуацию и переписание разноуровневых явлений в одних и тех же категориях – процедура, ко-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

21 Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 791–792.

тору Джэймисон в «Политическом бессознательном» назвал одной из форм медиации. У обоих способов есть свои ограничения. Теоретически замена понятия «влияние» на «реакция» должна позволить исследователю сохранить полуавтономию уровней, но на практике это удается не всегда. Когда Джэймисон говорит о философии, то трактует отношения между ней и политическим/социально-экономическим уровнем довольно прямолинейно. Он утверждает, что философские поиски 1960-х отвечали на основные вызовы десятилетия (деколониацию, появление новых коллективных идентичностей, наступление технократии и так далее), разрабатывая соответствующие им концептуальные модели. Выходит, что перед нами все та же «теория отражения», хотя и в несколько усложненном виде. Когда же Джэймисон связывает уровни при помощи перекодировки – например, описывая трансформации знака в заимствованных из социальной теории категориях овеществления и фрагментации, – то приходит к критиковавшемуся Альтюссером мышлению путем аналогий, результатом которого становится стирание принципиальных различий между уровнями. Стоит подчеркнуть: проблема не в том, что Джэймисон устанавливает связи между уровнями (это необходимое условие марксистского анализа), а в том, что во многих случаях он делает это слишком *непосредственным образом*.

Отчасти проблему можно решить, обратившись к иному пониманию медиации: вместо того, чтобы искать общий для двух различных уровней код, стоит попытаться соединить их при помощи третьего, опосредующего уровня, предварительно теоретически сконструировав его²². Чтобы не быть голословным, приведу конкретный и, как может показаться, несколько неожиданный пример. Филолог-формалист Борис Эйхенбаум в статье «Литературный быт» (1927), полемизирующей с современным ему марксистским литературоведением, писал:

«Четырехстопный ямб Пушкина, например, невозможно (не только в причинном плане, но и в плане обусловленности) связать ни с общими социально-экономическими условиями николаевской эпохи, ни даже с особенностями ее литературного быта, но переход Пушкина к журнальной прозе и, таким образом, самая эволюция его творчества в этот момент обусловлены общей профессионализацией литературного труда в начале 1830-х и новым значением журналистики как литературного факта. Связь эта, конечно, не причинная; это – использование новых литературно-бытовых условий, отсутствовавших прежде: расширение читательского слоя за пределы придворного и аристократического круга, появление рядом с книгопродавцами особых профессиональных издателей...

22 О различных определениях медиации см.: WILLIAMS R. *Marxism and Literature*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1977. P. 95–100.

переход от альманахов, имевших “любительский” характер, к периодическим изданиям коммерческого типа»²³.

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

В этом пространным и, казалось бы, не претендующем на теоретические обобщения фрагменте Эйхенбаум предлагает собственную модель литературно-социологического анализа, к которой стоит приглядеться повнимательнее. Эйхенбаум отказывается устанавливать прямую связь между развитием художественных форм и социально-экономической ситуацией. Столь же непродуктивной кажется ему попытка напрямую вывести особенности пушкинской поэзии из особенностей литературного быта его эпохи. Но Эйхенбаум не отрывает литературу от экономики и быта, а устанавливает между ними сложные отношения опосредования: согласно его модели, социально-экономические изменения делают (не)возможными определенные формы литературного быта, которые в свою очередь выступают условием (не)возможности определенных литературных форм. Таким образом, литературный быт оказывается опосредующим уровнем между литературной и экономикой, введение которого в дискуссию позволяет рассуждать о взаимоотношениях между двумя этими рядами в категориях обусловленности, а не прямой причинно-следственной связи. Эйхенбаум неслучайно говорит об «использовании новых литературно-бытовых условий», подчеркивая тем самым относительную автономию литературных акторов²⁴.

Конечно, модель Эйхенбаума нельзя назвать универсальной. Во-первых, введение опосредующего уровня не только позволяет выработать более сложную модель причинности, но и открывает дорогу для потенциально бесконечного умножения уровней опосредования: если мы вводим в схему уровень С, чтобы связать уровни А и В, то кажется логичным ввести затем в нее уровень D, чтобы связать уровни А и С, и уровень E, чтобы связать уровни С и В, и так далее. Во-вторых, есть все основания полагать, что в различных способах производства отношения между уровнями выстраиваются различным образом и что при описании взаимосвязей между уровнями в некоторых способах производства уместнее говорить о непосредственном воздействии либо использовать какую-то иную, не упомянутую нами модель причинности. Мы снова сталкиваемся с проблемой исторической изменчивости, вынуждающей исследовате-

23 Эйхенбаум Б. *Литературный быт* // Он же. *Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2020. С. 81–82.

24 В этом смысле Эйхенбаум следует наверняка знакомой ему формуле Маркса: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс К. *Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 119).

лей постоянно модифицировать аналитические инструменты. Как бы то ни было, статья Эйхенбаума дает представление об альтернативной концепции медиации между уровнями (или рядами, если говорить на языке самих формалистов), при помощи которой можно было бы усовершенствовать модель Джеймисона²⁵.

4

Джеймисон впоследствии неоднократно будет возвращаться к проблематике периодизации 1960-х. Во введении к книге о постмодернизме он почти дословно повторяет изложенные в эссе аргументы в пользу периодизации, дополняя их одним новым соображением. Реагируя на высказывания тех, кто считает нецелесообразным выделять постмодернизм в качестве отдельного культурного периода в силу его сходства с модернизмом, Джеймисон пишет:

«Решение, определяющее то, с чем мы имеем дело – с разрывом или преемственностью (чем считать настоящее – оригинальным историческим периодом или же просто продолжением примерно того же самого, пусть и в новой овечьей шкуре?), – нельзя эмпирически оправдать, как и философски обосновать, поскольку оно само является исходным нарративным актом, образующим основу для восприятия и интерпретации событий, о которых должно рассказать повествование»²⁶.

Такое замечание может показаться неожиданным с учетом того, сколько сил в эссе о 1960-х Джеймисон потратил на то, чтобы оправдать предложенную им периодизацию апелляциями к реальному историческому материалу, а не к имманентной логике исторического повествования. Однако не стоит думать, что за несколько лет, прошедших между публикацией эссе о 1960-х и написанием предисловия к книге о постмодернизме, Джеймисон превратился в карикатурного скептика постмодерниста, проповедующего абсолютную произвольность исторического повествования. Уже в следующем абзаце он отмечает, что, несмотря на всю свою неопределенность и,

25 Эйхенбаум – далеко не единственный теоретик, у которого можно обнаружить модель опосредующих уровней. Схожим образом, например, рассуждает Жан-Поль Сартр в «Проблемах метода», указывая на семью как на опосредующее звено между социальным классом и индивидом: САРТР Ж.-П. *Проблемы метода. Статьи*. М.: Академический проект, 2008. С. 54–64. Джеймисон, к слову, в других своих работах неоднократно ссылается на рассуждения Сартра (JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 42–43). Но в силу своей сосредоточенности на индивиде модель Сартра представляется мне менее подходящей для анализа культурного производства, чем модель Эйхенбаума, изначально разрабатывавшаяся с прицелом на социологию литературы.

26 Джеймисон Ф. *Указ. соч.* С. 64.

как считают некоторые теоретики, концептуальную несостоятельность, термин «постмодернизм» приобрел в последние годы огромную популярность.

«[Войдя в широкий обиход, постмодернизм переписал] все знакомые вещи в новых терминах и, соответственно, предложил новые модификации, новые идеальные перспективы, перетасовал канонические чувства и ценности; если “постмодернизм” соответствует тому, что Реймонд Уильямс имел в виду под своей фундаментальной категорией культуры – “структурой чувства” – и если он стал “гегемонической” структурой такого рода, что соответствует еще одной из ключевых категорий Уильямса, значит, он мог получить такой статус только благодаря глубокой коллективной ауто-трансформации, переделке и переписыванию прежней системы. Это гарантирует новизну и ставит перед интеллектуалами и идеологами неожиданные и при этом социально полезные задачи – и сам этот факт также маркируется новым термином»²⁷.

Джеймисону не откажешь в остроумии. Вместо того, чтобы пускаться в бесплодные споры о том, действительно ли постмодернистские явления представляют собой нечто качественно новое по сравнению с явлениями модернизма, он предлагает исходить из того, что само господство термина «постмодернизм» служит симптомом изменения исторической ситуации и заслуживает отдельного изучения.

Теоретическое замечание о легитимности постмодернизма как категории периодизации подводит нас к вопросу о взаимоотношениях между этим понятием и пониманием 1960-х как исторического периода. Внимательные читатели не могли не заметить многочисленных пересечений между эссе Джеймисона о 1960-х и книгой о постмодернизме как на тематическом, так и на концептуальном уровнях. В эссе 1984 года связь между двумя сущностями никак не артикулируется, хотя Джеймисон и называет постмодернизм одной из важнейших концептуальных рамок для понимания 1960-х. Но уже в книге о постмодернизме он описывает 1960-е как период «культурной революции», создавшей необходимые социально-психологические условия для наступления позднего капитализма, – при том, что все необходимые для этого экономические условия наличествовали, если верить Эрнесту Манделю, уже к концу Второй мировой войны:

«Таким образом, экономическая подготовка постмодернизма или позднего капитализма началась в 1950-х после того, как был компенсирован военный дефицит потребительских товаров и запчастей и на рынок начали выходить новые товары и технологии (не последними из которых оказались медиатехнологии). С другой сто-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

27 Там же. С. 66–67.

роны, психический габитус новой эпохи требует абсолютного разрыва, усиливающегося поколенческим сломом, достигнутым в полной мере в 1960-е»²⁸.

В эссе о 1960-х Джеймисон утверждал, что культурные трансформации этого периода стали возможны благодаря трансформациям базиса. Теперь же он развивает этот тезис, доказывая, что культура не просто реагировала на трансформации базиса в соответствии со своей внутренней динамикой, но и была тем фактором, от которого зависела успешность этих трансформаций. Эту сложную взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и экономики – или, говоря более традиционным марксистским языком, надстройки и базиса – можно считать еще одной отличительной чертой постмодернизма, когда «базис на третьей стадии капитализма порождает надстройки, наделенные динамикой нового рода», в результате чего «“культурное” и “экономическое” коллапсируют друг в друга и означают одно и то же в условиях стершегося различия между базисом и надстройкой»²⁹.

Но если мы согласимся с тезисом Джеймисона о том, что 1960-е были переходными периодом между двумя фазами развития капитализма, то это ставит перед нами новую проблему историографической репрезентации переходных периодов. Проблема эта существует на двух взаимосвязанных уровнях: концептуальном и повествовательном. Различные «формационные» теории исторического развития – будь то традиционная марксистская схема смены способов производства или фукольддианская история эпистем – предлагают убедительные описания сменяющих друг друга периодов, но редко могут объяснить сам процесс перехода между ними. Так Маркс не предложил законченной концептуализации переходного периода, ограничившись следующим замечанием:

«Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»³⁰.

Конкретизировать эту формулу попытался ученик Альтюссера – Этьен Балибар, – пришедший к заключению, что «переход-

28 Там же. С. 77–78.

29 Там же. С. 80–81. В таком случае мы должны признать, что джеймисоновское понимание медиации как описания разноуровневых явлений в одних и тех же категориях, на ограничения которого я указал выше, вполне легитимно применительно к явлениям постмодернизма, что в очередной раз подтверждает тезис о необходимости модифицировать аналитические инструменты при изменении исторической ситуации.

30 Маркс К. *К критике политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

ные периоды... характеризуются сосуществованием нескольких способов производства», один из которых доминирует над другими. Анализируя эту модель в книге «Сингулярная модерность» (2002), Джеймисон обращает внимания на заложенную в ней полемику с эволюционным историзмом: согласно Балибару, новый способ производства не вырастает постепенно из старого, но существует параллельно ему; когда же он становится доминирующим, то элементы прежде доминировавшего способа производства не исчезают в одночасье, а продолжают существовать теперь уже в подчиненном положении. Однако Джеймисон отмечает, что и модель Балибара при всей ее изощренности не предлагает концептуализации самого процесса возникновения новой системы, ограничиваясь лишь описанием сосуществования и борьбы заранее данных способов производства³¹.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

В то время как материальные условия для перехода к позднему капитализму в целом существовали уже в конце 1940-х, необходимый для этого «ментальный» переворот произошел только двадцать лет спустя.

Эссе Джеймисона о 1960-х можно рассматривать как попытку решить проблему концептуализации и описания переходного периода, хотя сам он и не формулирует свою задачу подобным образом. Процесс перехода оказывается двухступенчатым и наглядно демонстрирует возможность неполного совпадения между базисом и надстройкой: в то время как материальные условия для перехода к позднему капитализму, согласно Манделю, в целом существовали уже в конце 1940-х, необходимый для этого «ментальный» переворот произошел только двадцать лет спустя. Едва ли имеет смысл универсализировать анализ Джеймисона, но, сильно обобщая, можно сказать, что переходный период характеризуется резким культурным всплеском, который является симптомом нарастания антагонистических противоречий между сосуществующими способами производства³². Такой взгляд полностью согласуется с пониманием культурной революции, которое Джеймисон предлагает в книге «Политическое бессознательное»:

31 JAMESON F. *A Singular Modernity*. London; New York: Verso, 2002. P. 76–81.

32 Гипотезу Джеймисона было бы любопытно проверить на материале советских 1920-х, одновременно сопоставив ее с концепциями культурной революции, разработанными специалистами по советской истории. См.: Дэвид-Фокс М. *Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 221–279.

«[Культурная революция представляет собой] момент, когда существование различных способов производства становится явным образом антагонистическим и их противоречия оказываются в центре политической, общественной и исторической жизни»³³.

Именно применением концепции культурной революции Джеймисон и пытается решить проблему концептуализации и описания переходного периода. Акцент на культурной революции не означает отрицание примата экономики (ведь культурные, или «ментальные», условия позднего капитализма появились позже материальных), но является своего рода компенсацией за характерное для догматического марксизма пренебрежительное отношение к культуре.

5

Свою попытку осмыслить постмодернизм как исторический период Джеймисон назвал «историзацией того, что предельно неисторично»³⁴. В 2020-е мы, кажется, страдаем не от недостатка, а от переизбытка истории, о чем свидетельствуют повсеместные размышления о «возвращении истории» и ставший популярным в годы пандемии COVID-19 (кажется, это было так давно, а ведь прошло всего пять лет!) мем «I really wish I weren't living through a major historical event right now»³⁵. Разумеется, не стоит принимать подобные высказывания за чистую монету; к сожалению или к счастью, выскочить из истории невозможно, а потому невозможно и вернуться в нее. Помня уроки Джеймисона, их следует рассматривать как *симптомы* новой исторической ситуации, контуры которой нам только предстоит очертить. Но чем нам в этом может помочь джейминовская модель периодизации, если она, как я показал выше, возникла в ответ на совершенную иную историческую ситуацию?

Дело в том, что «переизбыток» истории не тождествен подлинно историчному отношению к современности. Все рассуждения о «возвращении истории» окрашены в апокалиптические тона: история в таком случае обычно мыслится как череда непредсказуемых катастроф, ни с того ни с сего падающих на наши головы. Такое восприятие истории явно не способствует взвешенному, насколько это возможно, анализу долгосрочных и краткосрочных причин той ситуации, в которой оказалась сегодня не только Россия, но и весь мир. Нежелание многих

33 JAMESON F. *The Political Unconscious...* P. 95; см. также: IВІD. *Cultural Revolution* // IВІD. *Valences of Dialectics*. London; New York: Verso, 2010. P. 267–278.

34 ДЖЕЙМИСОН Ф. *Указ. соч.* С. 796.

35 См.: <https://knowyourmeme.com/memes/tired-of-living-through-major-historical-events>.

«лидеров общественного мнения» увидеть, что происходящее в России – вовсе не некий эксцесс, вызванный исключительно особенностями российского общества, а часть более обширной исторической конъюнктуры, крайне симптоматично в этом отношении. Вывод, к которому подталкивают нас как политические события последних лет, так и интеллектуальная реакция на них, можно сформулировать следующим образом: мыслить исторично – значит не только осознавать, что исторические события оказывают влияние на нашу частную жизнь, но и искать такие концептуальные модели, которые позволили бы осмыслить текущую историческую ситуацию во всей ее сложности, учитывая одновременно и контингентную событийность, и долгосрочную динамику.

Разработанная Джеймисоном модель периодизации не предлагает готового решения наших проблем и не претендует на универсальность. Если и есть какой-то урок, который мы могли бы вынести из его размышлений о теории истории, то состоит он в том, что не существует никакой само собой разумеющейся процедуры историзации, которая одинаково успешно работала бы применительно и к Средневековью, и к эпохе позднего капитализма. Инструменты исторического анализа вырабатываются в ответ на изменения исторической ситуации и зачастую (хотя и не всегда) приходят в негодность с очередным историческим поворотом. Призыв «всегда историзировать» имеет смысл только в том случае, если он обращен в первую очередь на свои собственные инструменты и условия возможности. Значение джеймисоновской модели заключается как раз в том, что она принимает все эти вызовы и с разной степенью успешности отвечает на них. Иными словами, учиться у Джеймисона следует не столько конкретным концептуальным ходам, сколько самому историческому мышлению, которого нам сегодня так не хватает.

**КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ**

ОТ КУЛЬТУРНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1960-х
К ПОСТМОДЕРНИЗМУ...

